

ГЕНОТИП ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Д. В. Драгунский, В. Л. Цымбурский

ДРАГУНСКИЙ Денис Викторович, публицист;
ЦЫМБУРСКИЙ Вадим Леонидович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения
АН СССР.

Европейская цивилизация сыграла уникальную роль в истории человечества как минимум по двум взаимосвязанным причинам.

Во-первых, история не знает ни одной цивилизации, влияние которой было бы столь масштабным, преобразующим мироустройство и в конечном счете связывающим народы земли в единое сообщество. В этом смысле ООН в совокупности ее функций всемирного коммутатора и регулятора, безусловно, детище европейской цивилизации. Обсуждая ход исторической) процесса до XIX в., еще можно, вслед за Шпенглером и Тойнби подвергать сомнению реальность всемирной истории, разлагать ее на истории отдельных, как бы независимых друг от друга цивилизаций — монад исторического бытия. Но уже последующие, инициированные Европой исторические трансформации XIX—XX вв., нашедшие завершение в создании ООН, определенно перевели предмет всемирной истории из сферы теоретических построений в плоскость самой насущной прагматики.

Экспансия европейской цивилизации связала изначально различные и далеко друг от друга отстоящие регионы единими политическими и гражданскими сюжетами — тем самым Европа с ее дочерью Северной Америкой, по сути, создали всемирную историю. Когда сейчас говорят о противостоянии Севера и Юга, понимая под Севером евроамериканское сообщество, то чаще всего забывают, что Юг как геополитическая категория конституирован Севером, — иначе что же общего между его составными частями — Индокитаем, Ближним Востоком, Тропической Африкой, Латинской Америкой? Принято считать, что Россия — СССР возвращается в лоно европейской цивилизации после 70-летнего перерыва. Но ведь затрачены были эти годы на попытку создать альтернативу Западу, который, стало быть, так или иначе оставался неизменной точкой отсчета, равно глубоко укорененной как в сознании масс, так и в лозунгах вождей. Поиск самобытного пути на протяжении 70 лет обернулся, по сути, той же включенностью в евроамериканский политический и гражданский контекст, только уже с другой стороны, на правах «второго мира», который, однако (как, впрочем, и «третий»), определяется лишь по отношению к «первому».

Во-вторых, европейская цивилизация обладала уникальными внутренними, структурными особенностями, обусловившими ее экспансию и жизнестойкость — легкую приживаемость в социокультурных нишах и надежную выживаемость в инокультурном окружении. Такими особенностями являются: разделение институтов власти и гражданского общества при автономии личности; баланс этих трех сил; «интенция», выраженная в идее прогресса, неустанного совершенствования человека, общества и структур власти, — идее, дающей стимул к развитию и базу для высокой самооценки индивида.

ЭТУ УНИКАЛЬНОСТЬ европейской цивилизации часто связывают с особенностями индустриального буржуазного общества; таким образом, истоки ее ищут где-то на заре Нового времени, феодализм же рассматривают как явление, присущее многим цивилизациям и потому не несущее в себе собственно европейской специфики (1). При этом упускают из виду, что такого феодализма, какой был в Европе, с автономными городами-коммунами, выступающими в качестве самостоятельных субъектов в политической борьбе, другие цивилизации не знали. В этой связи представляется весьма ценным наблюдение А. Б. Зубова, указывающего, что при формационной близости европейского феодализма восточному «традиция автономной городской коммуны», унаследованная от античного полиса, есть тот цивилизационный момент, который обеспечил в течение сотен лет преемственность развития западного общества (2). Вытекающее из данного наблюдения направление исследовательского поиска кажется перспективным. Если держаться его, перед нами выстраивается единая цепь общественных форм: от античного полиса на разных стадиях его развития, через городские коммуны средневековья к индустриальному и далее постиндустриальному обществу как бы морфологический ряд, типологическая инвариантность которого обусловлена единым «полисным» генотипом.

ПОЛИС — тип общественного и государственного устройства, сложившийся в Древней Греции и Риме. Полисная организация опиралась на экономический и политический суверенитет общины свободных собственников и производителей — граждан полиса, простиравшийся на всю полисную территорию. Этот суверенитет предполагал для каждого гражданина возможность, а часто и обязанность в той или иной форме — прежде всего в форме голосования в народном собрании — участвовать в решении государственных вопросов, в определении судеб своей родины. Тем самым полис в истории выступает как реальное единство политической структуры и гражданского общества, способствующее развитию полисного патриотизма, духу равноправия и сознательного исполнения законов отечества, обычно закреплявшихся в виде письменной конституции.

Но в чем же внутренняя структура самого этого полисного генотипа, позволившая ему не только пережить формационные сдвиги, но и во многом детерминировать их? В какой мере это ядро полисной традиции обусловило отмеченные выше специфические черты европейской цивилизации? Ответ на эти вопросы нужен, в частности, для того, чтобы оценить творческий потенциал европейской цивилизации, яснее увидеть возможности, заключенные в ней как модели. Для нашего общества эти вопросы сейчас имеют самое непосредственное практическое значение.

Чтобы ответить на них, придется обратиться к эпохам, предшествовавшим классическому античному полису. В первую очередь перед ними предстанет микенская, или ахейская, Греция XVI—XII вв. до н. э. Она часто рассматривается в ряду современных ей деспотических государственных образований Востока (Ассирия, Вавилон, Египет, Хеттское царство) — и вполне правомерно, ибо у нее и в самом деле имеются общие с ними приметы: мощная царская власть, опирающаяся на войско и чиновничество и одновременно выступающая как собственница земли; обширные царские хозяйства, охваченные сплошной системой бюрократической отчетности. Но вместе с тем, вглядываясь в черты раннегреческого (ахейского) общества, мы видим и нетривиальные особенности, не находящие аналогии на Востоке. Прежде всего это касается отношений между основной столицей ахейского мира — Микенами с их царем (типа Агамемнона из «Илиады») — и другими городами, где правили второстепенные властители (вспомним образы Менелая, Одиссея, Ахилла).

На Востоке такого рода отношения мыслились просто: проводилось четкое различие между великими царями, видящими друг в друге «равных», «братьев», с одной стороны, и подчиненными каждому из них правителями низшего ранга — «детьми» (как бы «вассалами») — с другой. «Дети» были обязаны «отцу» покорностью, приношением дани, участием в его походах, доносами о любых попытках посягнуть на его интересы и власть, твердым следованием его политике в отношениях с другими великими царями. В ахейской же Греции дело обстояло несколько иначе.

Конечно, правители Микен обладали в ней высочайшим влиянием. Как явствует из преданий о Троянской войне, микенский царь мог силой своего авторитета поднять всю Грецию в заморский поход. Микены и прилегающий к ним Тиринф (также резиденция микенского царя) были единственными городами, обнесенными мощными крепостными стенами, в то время как другие города оставались практически неукрепленными, как бы демонстративно склоняясь перед могуществом главного властелина. В искусстве и ремесле по всем греческим поселениям господствует стиль, вырабатывающийся в Микенах. Есть, однако, все основания полагать, что доминирование Микен основывалось скорее на моральном лидерстве, чем на экономическом господстве или военном принуждении. Так, огромное количество хозяйственных документов той эпохи (например, найденные в Пилосе) позволяет с уверенностью утверждать, что практика уплаты дани Микенам отсутствовала.

От XIII в. до н. э. сохранился удивительный документ — письмо хеттского царя царю ахейской Греции (хетты называли ее Ахиявой). Хеттский царь обращается к своему «брату» со всем возможным пиететом, признавая в нем великого царя. Тем не менее, как явствует из письма, в щекотливом вопросе о выдаче мятежного хеттского «вассала» царь Ахиявы не мог соответствующим образом воздействовать на собственных подданных, в чьих владениях скрывался перебежчик.

Кто же перед нами — могущественный властелин восточного типа? или номинальный глава федерации? Видимо, ни то, ни другое.

Перед нами феномен, неизвестный Востоку, — главенство, основанное не на доминировании и подчинении, а на авторитете и первенстве. Здесь блеснула первая грань будущего европейского кристалла. Вспомним мир «Илиады», восходящий к микенским традициям, — мир своего рода рыцарской культуры, мир взаимоуважения и авторитета, чуждый абсолютистского централизма (3). Царь Ахиявы мог (если, конечно, желал) рекомендовать своим «вассалам» выдать перебежчика, но не мог принудить их это сделать, как того ожидал от него, в соответствии со своими отечественными традициями, хеттский царь. Это уважение к достоинству личности, к ее свободному выбору, пусть пока относящееся к весьма узкому кругу аристократии, со временем станет существеннейшей составляющей «полисного» генотипа.

РАЗВИТИЕ МОГЛО далее пойти и по другому пути. Тем или иным образом микенский царь мог, набирая все большую силу, прийти к абсолютному деспотизму — в этом случае синхронизатором мирового развития могла стать восточная модель. Но, как часто случается в истории, в ее ход вмешалась катастрофа. Ахейскую Грецию в XIII—XI вв. до н. э. захлестнула волна миграции с севера. Царские хозяйства были разорены; шел массовый передел земли между мигрантами. Земля делилась между общинами-захватчицами, а внутри них — между общинниками, чья частная собственность на землю становится с этого времени основой экономического развития Греции. Общины-поселения по мере стабилизации и хозяйственного подъема сливаются в предполисные образования, выступающие гарантами собственности своих членов. Таким образом, в формирующемся генотипе полиса появляется второй компонент — сообщество свободных собственников, как бы протоплазма будущего гражданского общества.

Идеология свободных собственников, жителей «протополиса», яснее всего выражена в поэме Гесиода «Труды и дни» (VIII—VII вв. до н. э.). Исследователями давно уже подмечена своеобразная «буржуазность» гесиодовской морали (4). Особо интересные наблюдения на этот счет можно найти в недавней работе В. П. Яйленко (5). Гесиодовский «протополис» представляет собой слабо дифференцированный социум. В нем выделяется притязательная на аристократизм верхушка, путь в которую, однако, открыт каждому преуспевающему хозяину. Важнейшей моральной максимой, таким образом, становится «трудись — и преуспеешь». Но в «протополисе труд» — не только дорога к преуспеянию и почету, это своего рода религиозный долг, искупление людьми древнего греха Прометея, эпитимия, наложенная на людей богами; трудящийся им угоден, а бездельник — ненавистен. В этом убеждении в богоугодности труда, приумножающего благосостояние свободных собственников, видится удивительный прообраз «протестантской этики», о роли которой в формировании капиталистического общества писал Макс Вебер (6). Это позволяет нам утверждать, что в полисном генотипе присутствуют определенные идеологемы, которые не носят структурно-обязательного характера, но с примечательным постоянством актуализируются в различные эпохи, — сюжеты, исторически сцепленные с «буржуазной» составляющей полисного генотипа (свобода собственности и трудолюбие).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ полиса неизменно выступал как гарантия частной собственности его граждан, прежде всего собственности на землю, хотя в то же время в рамках многих передовых полисов активно развивались ремесло и торговля. Если земельная собственность и полисное гражданство бывали фактически неразделимы, то ремесленным производством и торговлей на территории полиса часто занимались также жители, не принадлежавшие к числу его граждан: переселенцы из других полисов, позднее вольноотпущенники из числа рабов и т. д. В результате, как в случае с римскими плебеями, мог формироваться довольно обширный слой людей, не имеющих гражданских прав, но играющих видную роль в экономической жизни полиса, разделяющих полисные ценности, активно борющихся за полноправие и часто добивающихся его.

Протополису остается сделать один-два шага, чтобы формально превратиться в полноценный классический полис. И он делает эти шаги в VII—VI вв. до н. э., когда общины свободных собственников по всей Греции провозглашают и закрепляют письменными конституциями суверенитет над своими соответствующими территориями и вводят равенство граждан перед законом. Итак, на сцену истории впервые выходит гражданское общество — в форме, при которой оно практически тождественно политической структуре.

Здесь пролегал глубочайшее различие между полисным обществом и подавляющим большинством обществ древнего мира: военная и административная власть главенствует там над собственностью, контролирует и распределяет ее. В полисе же власть

осуществляется коллективом собственников-граждан и призвана непосредственно выражать их волю.

Но одними лишь этими свойствами, обусловленными «буржуазной составляющей» полиса, отнюдь не исчерпывается его генотипическое для европейской цивилизации значение. Столь же значима и невыводимая из гесиодовской морали другая основная духовная особенность греческого полиса — царившая в нем атмосфера состязательности, социально поощряемое стремление индивида к славе, известности, добываемым и в областях, далеких от политики и материального производства: в атлетических состязаниях, в искусстве, в науке. Ученые пишут об «агонистическом» (т. е. состязательном) стиле жизни античного общества — стиле, в котором ведущей и всепроникающей характеристикой является неукротимая и высоко креативная по своему эффекту жажда самоутверждения индивида в соревновании с равными себе (7). Здесь проявляется вторая, аристократическая составляющая полисного феномена.

Представляется весьма убедительным мнением А. И. Зайцева (8) о том, что в основе состязательного духа античной (и, добавим мы, всей европейской) жизни лежат традиции аристократии. Значительная ее часть в эпоху прото-полиса и раннего полиса претендовала на ахейские истоки и подражала микенскому стилю жизни (нашедшему столь яркое художественное отражение в поэмах Гомера). Это проявлялось в стремлении отличиться на войне, на охоте, в пышных пирах, в изготовлении предметов роскоши, покровительстве искусствам, в устройстве состязаний аэдов, наконец, в регулярном проведении Олимпийских (и других) игр с весьма дорогостоящими предприятиями, как, например, гонки колесниц и т. д.

По мере демократизации всех сторон жизни полиса — политики, форм ведения войны, видов спорта и т. п. — аристократический идеал соревновательного самоутверждения охватывает широчайшие слои свободных граждан. Люди стремятся развить все способности — физические, интеллектуальные, художественные, — которые могут их отличить и прославить. В этом постоянном «подтягивании» рядовых граждан к аристократии можно видеть истоки «престижного потребления», лежащего в основе такого специфически европейского феномена, как мода, ориентированная на высшие слои общества. Таким образом, если полисная «буржуазия» создала единство политического

и гражданского общества, то полисная аристократия внесла в этот синтез идеал свободной личности, присоединив к лозунгу «трудись — и преуспеешь» другой: «соревнуйся — и прославишься».

НЕТ НИЧЕГО ВУЛЬГАРНЕЕ, чем попытки выводить эллинское мировосприятие из феномена рабовладения. Думается, прав А. Б. Зубов, утверждая, что для античного человека рабы, а также метеки (лица, не имеющие полисного гражданства) — это «орудия» и «обстоятельства», служащие благополучию полиса. Использование чужеземцев в качестве рабов приобрело массовый характер как следствие широчайшего приложения свободной инициативы в товарном производстве. Рабы в античности — то же, что машины в индустриальную эпоху, и видеть в античном человеке прежде всего рабовладельца так же абсурдно, как рассуждать о «машинной» или, скажем, «компьютерной душе» нашего современника.

Повторим еще раз: античный, полисный человек — это прежде всего свободный собственник, соревнующийся с равными себе и непосредственно участвующий в определении и осуществлении политической воли своего государства.

Феномен рабовладения, однако, значим как часть явления более общего — самозамкнутости, гражданского сепаратизма полиса, отрицающего за негражданами какие-либо права на своей земле, что и является ахиллесовой пятой полисного строя в его классическом греческом варианте. Этот сепаратизм, культ собственного суверенитета либо кладет пределы росту полиса, побуждая жестко, а подчас и жестоко контролировать численность граждан, либо вызывает раздоры и схватки между полисами, упорнейшую борьбу за гегемонию, вплоть до полного истощения борющихся.

Абсолютизированная демократия малых пространств (термин А. И. Солженицына) ограничивала возможности развития системы, превращала межполисные отношения в нескончаемую войну всех против всех. Этот исторический урок, обнаруживающий бесперспективность тотальной суверенизации, автаркичного автономизма и гражданского

сепаратизма, до сих пор не утратил своей поучительности; при всей временной и иной отдаленности приложим он и к нынешней советской ситуации. Более того, поучительность его лишь возрастает от того, что в нынешнем круге земном давно уже нет бескрайних заморских просторов, куда могли бы отправиться искать свою долю «лишние» люди, как это было в Греции в период колонизации.

КОНКРЕТНЫЕ ФОРМЫ полисного устройства отличались большим разнообразием, связанным с тяготением конкретных государств к демократическим или олигархическим структурам. Это выражалось на практике в различном распределении власти между народным собранием граждан и существовавшим в каждом полисе верховным советом (в Риме — сенат), а также в способах формирования этого совета и функциях избираемых магистратов — носителей исполнительной власти. Отношения между собственностью и гражданством, собственностью и властью, демократическими тенденция-ми и задачами эффективного управления государством стимулировали развитие античной политической мысли (труды Платона, Аристотеля, Фукидида, Полибия, Цицерона и др.). Само слово «политика» исконно означало «участие в управлении полисом», в его делах, а также очень рано стало относиться к сумме знаний, необходимых для компетентного решения подобных вопросов.

Это противоречие пытался разрешить Рим. Изначально он шел по тому же пути, что и греческие полисы, но медленнее — из-за сохранения аристократических пережитков, долгого периода неравноправия граждан. На мировую сцену Рим выходит в эпоху кризиса Греции и сразу становится на путь построения империи, пусть сперва в республиканских формах. Империи, как надстройка над огромным числом интегрированных в нее полисов, ставила перед собой невиданную задачу: поощряя полисную автономию, стимулируя активную самодеятельность муниципалов (граждан отдельных полисов), она неуклонно двигалась к созданию единого мирообъемлющего полиса своего рода имперского космополиса. Конечно, и грек, уставший от межполисной грызни, мог воскликнуть: «Весь мир — отечество для благородно мужа» (Еврипид). Но лишь для жителя империи гигантская полиэтническая держава принимала образ Единого Града (Марк Аврелий). Космополитизм, зревший в духовных исканиях Греции, попытался найти адекватное политическое выражение в практике Римской империи, шаг за шагом продвигавшейся к эдикту Каракаллы (212 г. н. э.), коим все жители империи объявлялись ее полноценными гражданами. Точно так же империя медленно изживала и рабство, преобразуя рабов в колонов-арендаторов, заинтересованных в результате своего труда.

Но на этом пути вставала принципиально новая опасность. Низводя полисы-государства до статуса муниципиев, своеобразных земств, подчиняя их бюрократическим структурам, не зависящим от воли управляемых, империя тем самым вела дело к разрыву между политической системой и гражданским обществом. Политическое значение рядового гражданина сводилось к минимуму: власть получала возможность распоряжаться им и его собственностью. В процессе строительства Космополиса из полисов империя перерождается, приобретает в принципе несовместимые с полисным идеалом деспотические черты, сближаясь с монархиями Востока. И здесь во всей своей реальности выступает в живом пространстве истории родовая проблема, стоящая перед европейской цивилизацией, — пройти между Сциллой и Харибдой, между изнуряющим сепаратизмом «демократии малых пространств» и обесчеловечивающим масштабом сверхдержавы, «Мирового града», где гражданин низведен до роли кирпичика в крепостной стене.

Империю в процессе освоения полисного наследия подстерегала еще и другая угроза... Здесь уместно вспомнить недавнюю работу А. Б. Ковельмана по относящейся к нашему предмету теме, где за точку отсчета приняты не полисные реминисценции Рима или Эллады, а настроения массы народа на восточных окраинах римской державы (9). Эти люди испокон века жили в обстановке культа царя-бога и в условиях подъяремного труда в царских хозяйствах. Насаждая среди них квазиполисные, квазигражданские формы самоуправления, раздавая землю в частную собственность, апеллируя к усердию и трудолюбию как залогом общей пользы, империя воспитала среди восточных неофитов римского гражданства зажиточный средний слой в городе и деревне, тянущийся к римско-греческим культурным стандартам. Анализ множества писем и прошений той эпохи (II—IV вв. н. э.) позволяет представить, как через риторские школы в эти полубразованные слои внедрились в вульгаризованном виде идеи греческой философии, ее духовный навык все частное подводить под общее, мерять сущее меркой должного. Распад традиционных социальных связей — между рабами и господами, родителями и детьми — восполняется стремлением объяснить и оправдать эти же самые связи с точки зрения высших моральных норм. Возникает острое осознание разрыва между действительностью и

идеалом, ощущение драматизма бытия, усугубленное неустойчивостью положения и слабостью этого «нового среднего слоя», зажато между имперской бюрократией и бедствующими низами. Развивается и получает удовлетворение спрос на моральную проповедь, обличающую порочные нравы и несправедное богатство Рима, замешенную на переживании несоответствия имперских деклараций и повседневной жизни среднего гражданина, особенно провинциала, и приправленную элементарной завистью. Данное явление Ф. Ницше называл *ressentiment*, что можно перевести как «завистливое озлобление». В этом житель окраины легко смыкался с варваром, алчно глядящим из-за рубежа на блеск Космополиса. Структурные трудности Римской империи — изживание полисного единства общества и власти — дополнялись геополитической ситуацией: в конце концов империя оказалась в кольце наступающего на нее инородного мира.

ТАКОВА МАТРИЦА сюжетов и проблем европейской цивилизации, таков доньше их набор. Мы проследили первый круг развития полиса — от гесиодовской Греции до конца Римской империи. Удивительно схож с первым и второй круг, пройденный от раннего Средневековья до наших дней. От первого он отличается, помимо формационных черт, лишь грандиозностью новых масштабов.

В феодальную эпоху полисный генотип не исчез, а расщепился на две свои исходные составляющие. Буржуазное начало воплотилось в городских коммунах, несущих в себе все ту же протоплазму гражданского общества, отчужденного, однако, от структур феодальной власти. Вместе с тем снова возникает аристократический слой — феодалы, проникнутые чувством личного достоинства, свободы и соревновательности. Участие городских общин в политической борьбе наряду с феодалами, превращение городов в субъекты политики и права приводят к проникновению в широкие слои городского населения идей личной свободы, полноценной правосубъектности и — как следствие — гражданского контроля над политической властью (10). К XVI—XVII векам абсолютизм с помощью городов подавил в Европе вольнолюбивых феодалов, но сами города к тому времени превратились в мощную политическую силу, они обладали институтами представительного правления, интегрирующими политическую власть города в его гражданское общество. Таким образом, города и городская буржуазия как бы подхватили эстафету свободы, выпавшую из рук феодалов. Борьба буржуазии с королевской властью в последующие века по сути своей была движением граждан — собственников и производителей — за свой политический суверенитет. И так, с конца средневековья по XIX в. мы вновь видим синтез, типологически воспроизводящий тот, который осуществился при становлении античного полиса, — слияние аристократической и буржуазной составляющих, приводящее к восстановлению полисного генотипа в его целостности. К несчастью для России, становящийся в ней абсолютизм смог подавить одновременно и феодалов (удельных князей), и немногочисленные независимые городские общины (Новгород, Псков). В итоге Россия оказалась на периферии полисной цивилизации.

И в древности, и в Новое время полисный синтез обернулся мощным всплеском производительных сил (высокотоварное классическое рабовладение; индустриальная революция). Но, как уже отмечалось, чисто физические масштабы этих типологически сходных процессов резко различаются. Вместо Средиземного внутренним морем современной, несущей полисный генотип цивилизации Атлантический океан. Вместо древнего сепаратизма суверенных полисов мы видим подъем и взаимную агрессию национальных государств, их борьбу за передел мира — вплоть до мировых войн. К концу обоих циклов возникает идеал сомасштабного соответствующему циклу Космополиса, Державы Держав, в которой снимаются означенные коллизии. И, как прежде, на периферии теперь уже евроамериканской полисной цивилизации расшатывание традиционных структур сопровождается явлением *ressentiment* с антизападничеством и всплеском уравнительного пафоса (от большевистской революции до «пылающего ислама»).

Сегодня европейская цивилизация стоит перед теми же проблемами, что и Римская империя в последние ее века, но из этого не следует, что она должна погибнуть, подобно Риму. Пройдя второй круг полисного синтеза, она, быть может, в состоянии на новой основе решить эти проблемы, к чему предрасполагает тот геополитический факт, что ныне европейская цивилизация отнюдь не находится в глухом «варварском» окружении, как ее греко-римская предшественница. Более того, в ближайшие годы могут произойти два события, которые дадут ей существенную фору и в результате которых масштабность не-полисных цивилизаций перестанет быть геополитически доминирующей. Во-первых, это включение России-СССР в систему Демократического Севера, вместе с Объединенной Европой, Японией и Северной Америкой. Во-вторых — возможная реализация плана Дж.

Буша по созданию Общеамериканского рынка, что приведет к выпадению Латинской Америки из контекста «третьего мира».

Полисная цивилизация втягивает в свою орбиту все новые регионы посредством воспитания в них сильного и обширного среднего слоя, исповедующего и воспроизводящего традиционные полисные ценности: труд как путь к преуспеянию и состоятельности как путь к самоутверждению. В оптимальном варианте этот процесс должен сопровождаться рассасыванием массы низов, тяготеющих к разным версиям люмпен-идеологии. При этом крайне важным является сохранение контроля гражданского общества над политическими структурами. Такой контроль был бы немыслим в случае перерождения мировой полисной цивилизации в мегалокосмополис имперского типа. Для предотвращения этой возможности — а она весьма опасна даже и в виде тенденции — необходимо всемерное сохранение существующего регионально-конфедеративного мироустройства. Залогом исторической прочности такого мироустройства является наследственная память полисного генотипа.

1. См. об этом Gellner E. *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago, 1988. См. также материалы дискуссии: *Формации или цивилизации? "Вопросы философии"*, 1989. № 10.

2. Зубов А. Б. *Христианство и «дух феодализма»*. — *«Народы Азии и Африки»*, 1989, М 1, с. 116.

3. Schwarzenmeyr Fr. *Mykene und das Hethiterreich*. Wien, 1986.

4. См. об этом, например, Оссовская М. *Рыцарь и буржуа, исследования по истории морали*. М., 1987.

5. Яйленко В. П. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М., 1990.

6. Weber M. *Die protestantische Ethik und der Geist der Kapitalismus*. In: *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Tübingen, 1920. Bd. 1.

7. Servé H. *Gestaltende Kräfte der Antike*. 2 Aufl. München, 1960.

8. Зайцев А. И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э.* Л., 1985.

9. Ковельман А. Б. *Риторика в тени пирамид: массовое сознание Римского Египта*, М., 1988.

10. Федотов Г. П. *Рождение свободы*. — *«Новый мир»*, 1989, № 4.